

УДК 94(470)

DOI: 10.18384/2310-676X-2022-3-113-120

ИДЕЙНЫЕ ИСТОКИ ТЕОРИИ ОФИЦИАЛЬНОЙ НАРОДНОСТИ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Ильин А. А.*Московский государственный областной университет**141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Выявить особенности отражения в историографии проблем идейных истоков теории официальной народности.

Процедура и методы. Проведён комплексный анализ историографических источников, в которых освещается вопрос о возникновении теории официальной народности во взаимосвязи с характеристикой исторического контекста Российской империи, в котором происходило формирование взглядов будущих адептов данной теории. В качестве основных методов исторического исследования использовались: идеографический, историко-генетический, типологический и сравнительно-исторический методы.

Результаты. В процессе изучения исторических работ, посвящённых вопросу возникновения теории официальной народности, удалось установить зависимость смены научных парадигм в изучении интеллектуально-исторических феноменов от господствующего идеологического и политического фона эпохи. Кроме того, было выявлено существенное различие интерпретаций и оценок генезиса теории в дореволюционной, советской и постсоветской историографиях. Также установлено недостаточное внимание историков не к политическим, а именно к идейным истокам теории официальной народности, что закономерно побуждает к продолжению исследований этого интереснейшего феномена русской общественно-политической и религиозно-философской мысли.

Теоретическая и/или практическая значимость. Изученные в настоящей статье данные и полученные результаты являются основой для новых исследований в области истории русской общественной мысли и российской исторической науки.

Ключевые слова: историография, теория официальной народности, русская общественная мысль, русский консерватизм

IDEOLOGICAL ORIGINS OF THE THEORY OF OFFICIAL NATIONALITY: HISTORIOGRAPHICAL ASPECT

A. Ilyin*Moscow Region State University**ul. Very Voloshinoy 24, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation*

Abstract

Aim. To identify the features of the reflection of the problems of the ideological origins of the official nationality theory in historiography.

Methodology. The author conducted the comprehensive analysis of historiographical sources that highlight the issue of the emergence of the theory of official nationality in relation to the characteristics of the historical context of the Russian Empire, in which the views of future adherents of

this theory were formed. As the main methods of historical research the author used ideographic, historical-genetic, typological and comparative-historical methods.

Results. In the course of studying historical works devoted to the question of the emergence of the official nationality theory, it was possible to establish the dependence of the change of scientific paradigms in the study of intellectual and historical phenomena on the prevailing ideological and political background of the era. In addition, a significant difference between the interpretations and assessments of the genesis of the theory in pre-revolutionary, Soviet and post-Soviet historiographies was revealed. It was also established that historians pay much attention not to the political, but rather to the ideological origins of the theory of official nationality. This naturally encourages us to continue our research into this most interesting phenomenon of Russian socio-political and religious-philosophical thought.

Research implications. The data presented in this article and the results obtained are the basis for new research in the field of the history of Russian social thought and Russian historical science.

Keywords: historiography, theory of official nationality, Russian social thought, Russian conservatism

Введение

Статья посвящена проблеме выявления истоков теории официальной народности в широком культурно-историческом и социально-политическом контексте первой трети XIX столетия. Вопрос о генезисе данного порождения русской консервативной мысли привлекал к себе внимание исследователей с момента своего возникновения. Последние десятилетия ознаменовались повышенным интересом исследователей к русскому консерватизму вообще и к теории официальной народности в частности. На эти темы опубликовано внушительное количество трудов (доклады, статьи, монографии), что свидетельствует об интенсификации исследований по данной проблематике. Только о фигуре и идеях самого С. С. Уварова было несколько работ за последние годы [2; 3; 4; 8; 9]. Не меньший интерес вызывают и персоны других адептов концепции официальной народности как первой попытки построения государственного консервативного идеологического дискурса в пространстве интеллектуального внимания русского образованного общества [6].

Фигура и идеи Уварова, а также его единомышленников очевидным образом актуализируются в пространстве современного академического дискурса. Симптоматично, что статьи различных авторов рассматривают личность и взгляды

Уварова в контексте истории, философии, богословия, т. е. исследования по данной теме обладают отчётливой интенцией междисциплинарного подхода. Однако означает ли значительное количество публикаций по проблеме теории официальной народности, что её дальнейшие исследования уже неактуальны? Такое заключение преждевременно. Мало того, сама история изучения и осмысления данного духовно-исторического феномена представляет собой значимую научную проблему. Но и в изучении теории как таковой по-прежнему можно видеть немало аспектов, нуждающихся в изучении, без прояснения которых наше знание об истории русской общественной мысли вообще, её консервативного крыла в частности, будет страдать неполнотой и, как следствие, неизбежными абберациями.

Итак, цель настоящей статьи может быть сформулирована как выявление особенностей отображения вопроса об истоках теории официальной народности в отечественной историографии с акцентом на современное состояние проблемы.

В число задач исследования входят:

- 1) периодизация процесса репрезентации теории официальной народности в отечественной исторической науке;
- 2) характеристика наиболее типовых взглядов российских историков на про-

блему происхождения триады «Православие. Самодержавие. Народность» и её закрепления в официальном дискурсе власти эпохи Николая I;

3) определение существующих лакун по данному вопросу в отечественной историографии;

4) предложение варианта и направления дальнейшего развития исследований в этой области.

Редукционистские модели объяснения генезиса формулы Уварова

По мнению автора, не до конца прояснённым остаётся вопрос о генезисе и исторических предпосылках появления теории официальной народности в российском социокультурном и общественно-политическом контекстах. Наиболее распространённым объяснением рождения формулы «Православие. Самодержавие. Народность» является указание на стремление Николая I и его сподвижника на посту министра народного просвещения С. С. Уварова не допустить скатывания России к революции. В качестве предпосылки последующей консервативной программы указывают на психологический эффект от восстания декабристов. Один из ярких историков либерального направления А. А. Корнилов видит истоки теории официальной народности в пожеланиях самого императора и стремившегося угодить ему и занять министерское кресло графа Уварова, который со времён Александра I сменил взгляды умеренного либерала на убеждения безусловного консерватора. Вот что пишет об этом сам либеральный историк начала XX в.: «От Уварова прежнего времени к 30-м годам осталась только его солидная научная образованность, а его политические взгляды изменились коренным образом, по-видимому, в соответствии с теми карьерными стремлениями, которые в это время в нём возобладали... Уваров, в бытность ещё товарищем министра при Ливене, получил в 1832 г. командировку, целью которой было обозрение Москов-

ского университета... Уваров представил характерный письменный отчёт, который был составлен с таким тонким пониманием взглядов императора Николая, что непременно должен был привести автора его на министерский пост»¹. В данном отрывке автор фактически полностью дискредитирует С. С. Уварова, представляя его не более чем беспринципным карьеристом, который лишь пользовался теми или иными идеями для собственного карьерного роста.

Тем самым закладывается либеральная матрица крайне тенденциозной оценки любых интенций государственного консерватизма на основе апелляции к трансцендентальным и сверхличностным ценностям. Данная точка зрения мало того, что отказывается от поисков высшего смысла в истории («анти-историософия»), но и отличается явным редукционизмом как методологической парадигмой, согласно которой любые действия консерваторов имеют сугубо утилитарные предпосылки. Мало того, принимая такую точку зрения, мы резко сужаем проблемное поле анализа и интерпретации исторических феноменов. В данном случае происходит игнорирование общего исторического и духовно-культурного фона эпохи. В этом смысле даже советская методология оценки русского государственного консерватизма николаевской эпохи отличается большей систематичностью и аксиологической корректностью, о чём будет сказано ниже.

Следует отметить, что в новейшей российской историографии по проблемам развития русского национального самосознания частично осуществлён выход за пределы одного из двух узких и предвзятых взглядов. Теория официальной народности была порождена:

1. либо карьеристскими соображениями Уварова (либеральная точка зрения, выраженная Корниловым);

¹ Корнилов А. А. Курс истории России XIX века. М.: Высшая школа, 1993. С. 175.

2. либо сугубо практическими стремлениями императора и его приближённых, желавшими создать идеологический противовес возможным рецидивам декабризма в России (эта точка зрения имела хождение в советской историографии).

Вот что можно прочесть в классическом и фундаментальном для своего времени II томе истории СССР для вузов под редакцией академика М. В. Нечкиной: «Николаевская реакция не ограничивала свою борьбу с революционным движением открытыми репрессиями, ссылками и арестами. Она выработала и реакционную идеологию, которую положила в основу преподавания в школах и университетах, проводила в официальной журналистике, облекла в форму религиозных проповедей и художественных произведений. Реакция пыталась противопоставить передовому мировоззрению, в центре которого стояло революционное понимание роли народа, свою реакционную «теорию» с ложным толкованием этого важнейшего вопроса. В 30-х гг. была выдвинута так называемая теория официальной народности [5, с. 289].

Какая же методологическая модель понимания феномена «уваровской триады» предлагается в этом весьма ёмком и красноречивом пассаже? Прежде всего, мы видим полярное противопоставление «реакции» и «революции» при очевидной негативной оценке первой. Теория официальной народности квалифицируется даже не как «консервативная» (этот термин вообще здесь не употреблён!), но как реакционная, т. е. по определению плохая и исторически проигрышная. Далее она прочно увязывается с репрессивными мерами правительства как их логическое продолжение и дополнение. Наконец, картина дополнена эпитетом «ложности». Таким образом, теория официальной народности охарактеризована в рамках следующей смысловой цепочки: «реакция–репрессии–ложь». Только после данного априорного пассажа, который задаёт матрицу понимания, следует

изложение основных положений самой теории. Хотя, как мы видим, если сравнивать советскую историографическую трактовку теории официальной народности с дореволюционной либеральной точкой зрения, то авторы ортодоксального советского учебника далеки от мысли приписывать Уварову и его единомышленникам узкие корыстно-карьеристские побуждения. Скорее, на основе текста Нечкиной можно сделать выводы, что разоблачаемые советскими историками антагонисты являлись «идейными реакционерами», которые, хоть и заблуждались, проявляли «классовую ограниченность», были на стороне обречённой на историческое поражение реакции, но при всём том были искренне убеждены в истинности своих суждений и мировоззренческих установок.

Необходимость дальнейшей разработки вопроса о возникновении теории официальной народности

Базовый для исторической науки принцип историзма обязывает нас не сводить происхождение и сущность исторических явлений к воле одного или нескольких исторических деятелей, сколь бы влиятельное положение в обществе они при этом ни занимали. Люди рождаются, живут, действуют в определённой социальной среде, которая в каждый конкретный момент времени насыщена множеством разнонаправленных идей и культурных течений. Все вместе они составляют тот духовно-культурный фон эпохи, который, во-первых, формируется постепенно и во взаимосвязи с фоном событийным; во-вторых, меняется достаточно медленно и детерминировано; в-третьих, самим фактом своего существования оказывает незримое, но вполне действительное влияние на умонастроения общества, задавая те нормативно-ценностные границы, в которых протекает и развивается дискурс, складываются, противоборствуют и распадаются коалиции интеллектуалов [6], рождаются идеи, ко-

торые впоследствии овладевают массами, становясь материальной силой в историческом процессе [7].

Теория официальной народности ни в коей мере не является в этом плане исключением. Сквозь поверхностный слой персональных желаний и политической злободневности раннего периода царствования Николая I мы вполне можем попытаться увидеть те глубинные предпосылки, которыми было обусловлено возникновение и последующее становление этой весьма самобытной концепции. Безусловно, в нашем случае понятие «массы» воспринимается достаточно метафорически, поскольку прослойка русского образованного общества всех вкусов и направлений составляла *apriori* чрезвычайно малую часть от 50-миллионного населения Российской империи. Но объективность требует признать, что именно в этом круге, численностью в несколько десятков тысяч человек, циркулировали идеи и принимались решения, которые оказывали непосредственное влияние на ход исторического развития России.

Прежде всего, необходимо учитывать тот общий культурно-исторический контекст, в котором происходила кристаллизация идей графа Уварова и его единомышленников. Напомним, что в первой трети XIX столетия, вне прямой связи с распространением революционных и просветительских идей на волне Великой Французской революции, наследниками которой стали в духовно-ценностном плане и декабристы, в самой России, в образованном русском обществе и правящих кругах, происходили не менее фундаментальные процессы, одним из которых стал растущий интерес публики к русским национальным корням, к образам народной культуры, к православной духовности. Данные тенденции получили своё отражение и в русской культуре. Народные образы постепенно укореняются в живописи (А. Г. Венецианов, В. А. Тропинин), в литературе шаг

за шагом выстраивается галерея идей и образов специфически русского типа, которые, что немаловажно, артикулируются на стремительно формирующемся русском литературном языке.

Вернёмся к высказанному в начале статьи тезису о недостаточной разработанности вопроса о том, какие именно предпосылки обусловили появление и развитие теории официальной народности. Ранее было сказано о неизбежности воздействия культурно-исторического фона эпохи в виде проявления интереса к собственным национально-культурным корням в русском обществе. С. С. Уваров, Н. В. Устрялов, М. П. Погодин, Н. И. Греч не могли оставаться безучастными к разворачивающимся дискуссиям по этому вопросу. Даже скептически настроенный в отношении Уварова Корнилов указывает на то, что ранее будущий министр народного просвещения был активным членом литературного кружка «Арзамас», участвуя в беседах о судьбах русской словесности и путях её дальнейшего развития. Нельзя также забывать и о большом влиянии деятельности Н. М. Карамзина, его консервативных взглядов, диктуемых искренними патриотическими и национальными убеждениями. Не секрет, что должность официального историографа делала Карамзина вхожим в личные императорские покои с правом высказывания собственного аргументированного мнения, чем выдающийся историк и литератор и пользовался – не к собственной корысти, но «ко благу Отечества Российского», как он сам это благо понимал.

Наконец, до настоящего времени не учтён в полной мере ещё один источник влияния на кристаллизацию идей теории официальной народности. Если немецкий романтизм с его концепцией национального возрождения часто упоминается в качестве важного фактора, оказавшего непосредственное влияние на русскую общественную мысль первой половины XIX столетия, то не менее интересные идеи раннего европейского консерватиз-

ма, прежде всего французского, до сих пор не оценены в должной степени.

Между тем достаточно обратиться к фигуре графа Ж. де Местра, чтобы увидеть немало нового и полезного. Этот эмигрант из охваченной революцией Франции в конечном итоге обрёл себе пристанище в России, где прожил не один год и вступил в достаточно тесные контакты с представителями русской знати. Полагая революцию вообще и во Франции в частности «явлением сатанинским» (в буквальном смысле слова!), друг иезуитов и представитель старинной французской аристократии не стеснялся высказывать свои взгляды в печатной и устной форме. Для нас же важно ещё и следующее: неистовый проповедник консерватизма на религиозной почве, Ж. де Местр пребывал и проповедовал свои ультраконсервативные взгляды в России в то самое время, когда С. С. Уваров участвовал в кружке «Арзамас». Неформальный обмен идеями между салонами и гостиницами был неизбежен в силу упомянутой выше сравнительно небольшой численности страты, носившей громкое наименование «русского образованного общества». Именно в отношении к России Ж. де Местр высказался весьма недвусмысленно: «...Род человеческий в его целом способен воспринимать гражданскую свободу только в той мере, в какой его пронизывает и направляет христианство ... Никаким народом нельзя управлять с помощью одних законов – такого никогда не было и никогда не будет. Так оставим же государственной власти самую большую её опору – религию»¹.

Кроме того, французский консерватор и клерикал выступает яростным защитником монархической власти и традиционных начал в жизни государства и народа. Эти строки были написаны в 1811 г. Идеи же, в них содержащиеся, широко обсуждались в петербургских са-

лонах. Нас же интересует то обстоятельство, что по сути своей они оказываются весьма созвучны тем идеям, которые двумя десятилетиями позже будут высказаны русским графом и сановником С. С. Уваровым в отчёте на высочайшее имя: «...Образование правильное, основательное, необходимо в наше время с глубоким убеждением и с тёплой верой в истинно русские хранительные начала Православия, Самодержавия и Народности, составляющие последний якорь нашего спасения и вернейший залог силы и величия нашего Отечества ... Весьма часто случалось мне, прервав лекцию профессора, докончить оную собственным нравоучением, всегда приводя речь к лицу государя, к преданности Трону и Церкви, к необходимости быть русским по духу прежде, нежели стараться быть европейцем по образованию»².

У обоих авторов мы видим то исключительное значение, которое оба придают религии, конкретно христианству, в формировании общества и государства. Однако мы далеки от мысли о прямом эпигонстве Уварова общественно-политических идей де Местра. При внимательном изучении текстов в них можно отыскать массу расхождений и дискуссионных противоположных точек зрения. В частности, едва ли русский министр и граф принимал взгляды де Местра на православие как на трагический отрыв от истинной в его представлении веры – католицизма. Напротив, Уваров вменял молодёжи в нравственную обязанность быть русским по духу прежде, нежели европейцем по образованию. А «русскость по духу» вне православия им не мыслилась. Но только в неразрывной связи с приверженностью идее самодержавия. Потому правильнее было бы говорить о тех катализирующих влияниях, которые способствовали оживлению дискуссий

¹ Жозеф де Местр. Четыре неизданные главы о России // Жозеф де Местр. Сочинения. СПб.: Владимир Даль. 2007. С. 31, 35.

² Уваров С. С. Отчёт по обозрению Московского университета // Уваров С. С. Государственные основы. М.: Институт Русской цивилизации, 2014. С. 326.

о судьбах России и характере политики правительства в области народного просвещения. Понятие «источка» не тождественно понятию «заимствование».

Заключение

До настоящего момента вопрос о комплексном характере генезиса теории официальной народности не получил должного освещения в российской историографии. Мы наблюдаем либо либеральный редукционизм, либо избыточную политизацию дискурса. В постсоветское время добавилась тенденция апологии общественно-политической концепции Уварова и его приверженцев, но опять же при недостаточности попыток объективного поиска многообразных истоков данной теории [1, с. 53–76]. Другие исследователи, чьи публикации были указаны в начале статьи, придерживаются достаточно объективного подхода, с элементами вполне оправданного уважения к личности С. С. Уварова, усматривая истоки его теории в историческом

контексте эпохи. В частности, в стремлении противопоставить цельное консервативное и патриотическое мировоззрение революционным идеям, ставшим столь популярными со времён Французской революции.

В результате совершается интересный разворот: как и в советской историографии, в теории официальной народности усматривается контрреволюционный характер. Она как бы вновь подчиняется политической прагматике. Но теперь со знаком «плюс». Вопрос же внутренних предпосылок формирования данной доктрины как органического порождения русской интеллектуальной культуры при определённом влиянии внешних идейных течений по-прежнему освещён недостаточно. Таким образом, лакуна в данном случае носит объективный и системный характер в отечественной историографии. По нашему мнению, данный пробел нуждается в заполнении.

Дата поступления в редакцию 01.12.2021

ЛИТЕРАТУРА

1. Боханов А. Н. Самодержавие. Идея царской власти. М.: Русское слово, 2002. 349 с.
2. Власов В. А. «Радетель российской самобытности граф Сергей Семёнович Уваров» // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского. 2008. № 13. С. 83–88.
3. Гаврилов И. Б. К характеристике философии образования С. С. Уварова // Христианское чтение. 2019. № 5. С. 161–173.
4. Гаврилов И. Б. Сергей Семёнович Уваров. Жизнь. Труды. Мировоззрение // Труды кафедры богословия Петербургской духовной академии. 2019. № 2 (4). С. 131–191.
5. История СССР. Том II. Россия в XIX веке // под ред. М. В. Нечкиной. М.: Госполитиздат, 1954. 848 с.
6. Коллинз Р. Социология философий / пер. с англ. Н. С. Розова. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. 1280 с.
7. Ленин В. И. Удержат ли большевики государственную власть. Л.: Госиздат, 1925. 67 с.
8. Папаяни Ф. А. Современное прочтение уваровской триады // Учёные записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2018. Т. 4 (70). № 2. С. 26–37.
9. Тяпин И. Н. Проблема исторической преемственности в философии С. С. Уварова // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. Философия. 2018. № 1. С. 40–50.

REFERENCES

1. Bokhanov A. N. *Samoderzhaviye. Ideya tsarskoy vlasti*. [Autocracy. The idea of tsarist power]. Moscow, Russkoe slovo Publ., 2002. 349 p.
2. Vlasov V. A. [“Guardian of the Russian-self Count Sergei Semyonovich Uvarov”]. In: *Izvestiya Pen-*

- zenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V. G. Belinskogo [News of Penza State Pedagogical University named after V. G. Belinsky], 2008, no. 13, pp. 83–88.
3. Gavrilov I. B. [To the characteristic of S.S. Uvarov's philosophy of education]. In: *Khristianskoye chteniye* [Christian reading], 2019, no. 5, pp. 161–173.
 4. Gavrilov I. B. [Sergey Semyonovich Uvarov: Life. Works. Worldview]. In: *Trudy kafedry bogosloviya Peterburgskoy dukhovnoy akademii* [Proceedings of the Department of Theology of the St. Petersburg Theological Academy], 2019, no. 2 (4), pp. 131–191.
 5. Nechkina M. V., ed. *Istoriya SSSR. Tom II. Rossiya v XIX veke* [History of the USSR. Volume II. Russia in the 19th century]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1954. 848 p.
 6. Collins R. *Sociology of philosophies* (Rus ed.: Rozov N. S., transl. *Sotsiologiya filosofiy*). Novosibirsk, Sibirskii khronograf Publ., 2002. 1280 p.).
 7. Lenin V. I. *Uderzhat li bolsheviki gosudarstvennuyu vlast* [Will the Bolsheviks retain state power]. Leningrad, Gosizdat Publ., 1925. 67 p.
 8. Papayani F. A. [Present-day interpretations of Uvarov triad]. In: *Uchonyye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filosofiya. Politologiya. Kulturologiya* [Scientific notes of the Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky. Philosophy. Political science. Cultural studies], 2018, vol. 4 (70), no. 2, pp. 26–37.
 9. Tyapin I. N. [The problem of historical continuity in the philosophy of S. S. Uvarov]. In: *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina. Filosofiya* [Bulletin of Leningrad State University named after A. S. Pushkin. Philosophy], 2018, no. 1, pp. 40–50.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ильин Андрей Алексеевич – старший преподаватель, аспирант кафедры истории России средних веков и нового времени Московского государственного областного университета;
e-mail: ilin-a17@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Andrey A. Ilyin – Senior Lecturer, Postgraduate Student, Department of Russian History of the Middle Ages and Modern Times, Moscow Region State University;
e-mail: ilin-a17@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Ильин А. А. Идеиные истоки теории официальной народности: историографический аспект // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2022. № 3. С. 113–120.
DOI: 10.18384/2310-676X-2022-3-113-120

FOR CITATION

Ilyin A. A. Ideological origins of the theory of official nationality: historiographical aspect. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2022, no. 3, pp. 113–120.
DOI: 10.18384/2310-676X-2022-3-113-120